

Владимировым, говорит о сильном впечатлении, которое производили на русских художников рассказы иностранцев об искусстве их стран. Подобный рассказ о преподавании живописи Владимиром мог слышать, например, от Ганса Детерсона, крупнейшего иностранного художника того времени в России, который несомненно вызывал большой интерес у своих московских собратьев. Детерсон и в Москве рисовал с натуры и держал в мастерской для этой цели череп, что, видимо, было известно.³³ Но «совершенного художества» можно достичь и «самоучением» (л. 75), говорит Владимир, имея в виду, очевидно, русских мастеров и их описательный метод. Он определенно ставит в один ряд современное русское описательное искусство и произведения иностранных художников и не находит принципиальной разницы между ними. «Премудрый» художник «что видит или в последствовании слышит, тако и во образех, рекше в лицах начертывает и противу слуху и видения уподобляет» (л. 70—70 об.; разрядка наша, — А. С.). Разумеется, подобное сопоставление совершенно различных художественных методов средневековья и нового времени, как якобы одинаковых, возможно лишь при еще полном незнании природы и неумении наблюдать реальные формы.

Приведенное высказывание Владимирова позволяет оценить весьма малое значение природы в творчестве древнерусского художника. По его мнению, и то и другое искусство дает одинаковое «подобие». Хотя как практик он отмечает, что «против всякого уда и гбежа свойственный вид благоумными живописцы составляется» (л. 54 об.), но не видит существенных различий художественного языка в русском и западном искусстве того времени. Вместе с тем он отдает явное предпочтение произведениям иностранных мастеров, о которых он многократно говорит с благоговением. Вот одно из наиболее характерных мест: «Аще у своеземцов или у иноземцов видаем Христов и Богородичен образ добре выдрукован или премудрым живописанием написан, ту многия любве и радости очеса наша наполняются... Мы такие благодетельныя вещи паче всех земских вещей предпочитаем, и от рук иноземных любочестно искупуем, инья ж и за великий дар испрашаем и приемлем Христово воображение на листех и на досках, любезно целуючи» (л. 48 об.). Владимир с сочувствием пишет, что в западноевропейских государствах художники не только изображают религиозные сюжеты, но и прославляют живописью подвиги своих государей, подобно тому как это словом делает литература. Для него важно отметить, что изображения эти реалистичны: «кои каковыми обличия были и одеяния на себе носили, таковых и воображают» (л. 41 об. — 42). Замечание об «обличиях» явно направлено против условных «образных» одежд и форм древней традиции. Он отмечает назидательное значение такого западного искусства, а также то, что оно приносит славу и честь государям и землям (там же).

Между тем описательность как метод живописи, а тем более столь обобщенная, как в творчестве древнерусских мастеров, не выпускает художника за пределы условно понятых форм. Высокая степень обобщения ведет к их символическому переосмыслению. На Руси оно осуществлялось по творениям псевдо-Дионисия Ареопагита, дающего подробное толкование всех частей человеческой фигуры.³⁴ Символическое восприятие

³³ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевел с немецкого Павел Барсов. Б. г., б. м., стр. 167 (далее: *Олеарий*).

³⁴ Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. — ЧОИДР, 1898, кн. II, М., стр. 7.